

Андрей Шляхов

**БУДНИ
ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ
БОЛЬНИЦЫ**

Издательство АСТ
Москва

УДК821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш70

Серия «Реальная жизнь»

Дизайн обложки *Александра Воробьева*

Шляхов, Андрей Леонович.

Ш70 Будни психиатрической больницы / Андрей Шляхов. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 320 с. — (Реальная жизнь).

ISBN 978-5-17-150176-1

Вам интересно узнать, как на самом деле проходят будни в сумасшедшем доме? Звери-санитары и не совсем нормальные врачи — именно с этим сталкивается доктор Данилов, когда благодаря весьма странным обстоятельствам попадает в «желтый дом». Добро пожаловать, дорогой читатель! С уже полюбившемся многим героем вы узнаете, в какой цвет обычно выкрашены палаты и что происходит, когда звучит команда «отбой». Действие романа Андрея Шляхова разворачивается в зловещем, абсурдном, но очень интересном месте. Как говорил Кастанеда: «Мы боимся сойти с ума. Но к несчастью для нас, мы боимся сойти с ума. Но к несчастью для нас, мы уже все и так сумасшедшие».

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-150176-1

© А.Шляхов, 2022
© ООО Издательство АСТ, 2022

Грубым дается радость,
Нежным дается печаль.
Мне ничего не надо,
Мне никого не жаль...

*Сергей Есенин,
«Грубым дается радость...»*

И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это — томление духа; потому что во многих мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь.

Екклезиаст, 1:17–18

Психиатрическая помощь лицам, страдающим психическими расстройствами, гарантируется государством и осуществляется на основе принципов законности, гуманности и соблюдения прав человека и гражданина.

*«Закон о психиатрической
помощи и гарантиях прав
граждан при ее оказании»*

Глава первая

ДУРДОМ

— Как вас зовут?

— Владимир.

— Кто вы по профессии?

— Врач.

— Какое сейчас время суток?

— Вечер... Нет, уже ночь.

— Какой день недели, какое число месяца?

— За вами на стене висит календарь. Обернитесь и посмотрите.

— Спасибо, я так и сделаю.

Оборачиваться не стала. Правило номер один: «никогда и ни при каких обстоятельствах не поворачивайся к больному, могущему представлять хоть какую-то опасность, спиной, и ни на секунду не упускай его из виду».

— Какое сейчас время года?

— Весна.

— Где вы находитесь?

— В Москве.

Женщина в белом халате явно ожидала другого ответа, но с уточнениями лезть не стала — продолжила беседу, больше походившую на допрос.

— Что с вами произошло?

— Ничего особенного — родился, потом жил. Долго углубляться в детали.

— Деталей не надо, — поспешила согласиться собеседница. — Как вы здесь оказались?

— Перед вами лежит сопроводительный лист «скорой помощи». Там все написано.

Никакой реакции — ни сдвигающихся бровей, ни улыбки. Коровий взгляд больших, навывкате (щитовид-

ка явно барахлит) глаз. Настороженности во взгляде не проскальзывает, значит — опытная, давно научилась владеть собой. Или все так обрыдло, что никаких эмоций не осталось.

— А почему вы к нам поступили?

— Вам лучше знать.

— Как по-вашему — вы нуждаетесь в нашей помощи?

— Спасибо, но я в состоянии решать свои проблемы самостоятельно.

— Разумеется. — С такой выдержкой надо в шпионы идти, а не здесь дни коротать. — Что вас беспокоит?

— Свет. Не люблю, когда очень ярко. Глаза режет.

— К сожалению, освещение не поддается регулировке...

Пересесть тоже нельзя — некуда. Обстановочка суперминималистская — стол, кушетка, стул у стола, белый шкаф в углу. Дверцы у шкафа не стеклянные, а металлические, вся мебель привинчена к полу здоровенными болтами. За дверью слышится сопение санитара. Искривленная носовая перегородка или полипы? Скорее всего перегородка — здесь небось часто по морде дают.

— О чем вы думаете?

Заметила. Внимательная, значит.

— Ни о чем.

— Хотите поговорить о том, что у вас на душе?

— Нет, спасибо.

— Вас окружают люди в белых халатах. Почему?

— Вам бы провериться или выспаться получше, ведь кроме вас здесь никого в белом халате нет. Какие «люди окружают»?

— Я выразилась образно. Вы ведь понимаете, когда говорят образно?

— Понимаю. Если образно, то люди в белых халатах окружают меня уже полтора десятка лет, с того дня, как я поступил в медицинский...

— Вы в Москве учились?

— Да.

— В каком?

— Во втором.

Старая «классификация» вьелась намертво. Какие там медицинские академии и университеты? Первый мед, Второй мед и Третий мед. Плюс «лумумба» — медицинский факультет университета дружбы народов, которому порядкового номера не досталось.

— А я — в Третьем. Скажите, Владимир, вам что-нибудь мешает прямо сейчас встать и пойти домой?

— Не что, а кто. Два амбала за дверью.

— А если я вам скажу, что они не станут вам препятствовать, то вы прямо сейчас встанете и уйдете?

— Да, разумеется.

— И куда вы пойдете?

— Домой, отсыпаться. Только вы все равно меня не отпустите.

Голова раскалывалась, шею саднило, но спать не хотелось. Хотелось лежать с закрытыми глазами и думать о жизни. Не вспоминать, ничего не вспоминать, а только думать, размышлять.

— Я постараюсь убедить вас в том, что остаться здесь прежде всего в ваших собственных интересах.

А ведь, в сущности, она права — идти-то некуда. Парадокс — есть два дома, а идти некуда. Потому что в одном месте — душно, а в другом — мрачно.

— Предположим, что вы меня убедили.

Сбор анамнеза в психиатрии бесконечен. Если хочешь поскорее улечься и закрыть глаза, то не стоит затягивать процесс. Все равно эта мымра не отвяжется, пока не задаст все положенные вопросы. Мымра, как есть мымра — лицо острое, хищное, волосы похожи на свалывшуюся паклю, на лбу, несмотря на возраст «явно за сорок», — подростковая россыпь прыщей.

— Считаете ли вы себя больным?

— Тому, что здоровых людей не существует в природе, учат на первом курсе.

— Да, вы правы. Скажите, Владимир, а не было ли у вас когда-нибудь состояний, похожих на сновидения наяву?

— Были, давно.

— Можете рассказать поточнее?

— Да что рассказывать — какой подросток не грезил наяву, рассматривая порножурналы...

Ты спросила — я ответил. Претензий быть не должно. По идее, сейчас она спросит: «Что вы видели?», затем уточнит, как долго все это длилось, и непременно заинтересуется: «Вы были участником увиденных во «сне» событий или же наблюдали их со стороны?»

— Вы поморщились. У вас сейчас что-то болит?

— Голова. — про шею говорить не хотелось. — Голова болит.

— Где вы ощущаете боль?

— По всему черепу.

— Есть ли какие-то особенности у этих болей?

— Есть. Они меня беспокоят.

— Существует ли какая-нибудь связь их возникновения или усиления с факторами внешней среды?

— Да, конечно. Все, что раздражает или утомляет меня, обычно вызывает головную боль.

— Проходит ли боль при приеме обезболивающих либо успокаивающих средств?

— Уменьшается.

— Хотите обезболивающий укол?

— Спасибо, не надо. Накололи уже — вся задница болит.

— Напомните, если передумаете. А приходилось ли вам слышать какие-либо звуки или голоса, когда рядом никого нет?

— Приходилось. Голос совести. Редко, правда, по пальцам можно пересчитать.

— Голос совести — это хорошо. А что говорила вам совесть?

— Что я поступил плохо и надо исправить положение.

— То есть вы слышите голоса, комментирующие ваши поступки? Что именно они говорят? Сколько голосов у совести?

Пошутил, называется, — симптом себе повесил. От симптома до синдрома — один шаг, а от синдрома до диагноза — рукой подать. Молодец, проявил остроумие.

— Я выразился образно. В реальности никаких голосов не было. Просто, совершая нечто не совсем хорошее, я испытывал угрызения совести. Как и все люди.

— Часто вы их испытываете?

— Редко.

— Что толкает вас на плохие поступки? Гнев? Злоба? Зависть?

— Случайно как-то выходит, неосознанно.

— Не ощущаете ли вы порой хаоса в мыслях?

— Все мы его ощущаем...

— То есть ваш ответ «да»?

— Да!

— Не казалось ли вам когда-нибудь, что вы не контролируете ход собственных мыслей? Что ваши мысли существуют как бы отдельно от вас?

— Нет, не казалось. А у вас бывало такое?

— Нет, не было. А приходилось ли вам видеть то, что окружающие были не в состоянии увидеть?

— Нет.

— Вы полностью откровенны со мной, Владимир?

— Полностью.

— Спасибо. Я очень ценю это. А посещали ли вас какие-либо видения?

— Нет, никогда.

— Не казалось ли вам когда-нибудь, что все, что с вами происходит, уже было?

— Нет.

— И вам никогда не приходилось, увидев что-то впервые, почувствовать, что вы уже видели это раньше? Или слышали?

— Нет.

— Испытывали ли вы хоть раз внезапное, ни с чем не связанное исчезновение мысли?

— Нет, но...

Впрочем, лучше не уточнять. Навесишь себе еще один симптом, только и всего.

— Что помешало вам, Владимир, закончить фразу?

— Ничего, просто не хочу вас задерживать.

— Не беспокойтесь — я на дежурстве и домой мне идти ой как нескоро...

Часов мы, конечно не носим, все правильно. И ручки из нагрудного кармана не торчат, ручка всего одна — та, что в руках. И достала она ее из каких-то потаенных недр. Иначе и нельзя, ведь выхватить торчащую из кармана ручку и всадить ее в глаз — дело секундное. Моргнуть, как говорится, не успеешь.

— Скажите, Владимир, не чувствуете ли вы необходимость постоянно проверять, выполнили ли вы какие-то действия? Выключили ли утюг, например? Заперли ли дверь?

— Нет.

— Испытываете ли вы потребность многократно повторять одни и те же действия совершенно одинаковым способом?

— Нет.

— Вы когда-нибудь ощущали, что какие-то мысли не принадлежат вам, а внушены вам извне?

— Нет.

— А не ощущаете ли вы порой, что ваши мысли изымают из вашей головы?

— Нет.

— Чувствовали ли вы хоть раз, что какая-то внешняя сила пытается управлять вами?

— Не далее как сегодня, когда меня везли сюда.

— А поточнее?

— Ну я совсем не собирался ехать в дурдом, а они меня привезли.

— Владимир, вы, конечно, можете называть то место, где мы сейчас находимся, как вам будет угодно, но мне кажется, что слово «клиника» смотрелось бы уместнее. Ведь мы же с вами врачи.

— Во-первых, сейчас я — пациент или что-то вроде того. А во-вторых, слово не может «смотреться», не так ли?

— Вы правы, — согласилась «мымра». — А не посещает ли вас ощущение, что ваши действия контролируются кем-то или чем-то, находящимся вне вас? Каким-то человеком, какой-то посторонней силой или, скажем, группой людей?..

Цепочка традиционных вопросов... Это терапевты спешат выслушать, выстучать и пропальпировать пациента, отчего зачастую бывают малоразговорчивы. Мозг не прощупать рукой — только вопросами. Как шутили студенты: «Если хочешь ни хрена не делать, только языком молотить — иди в психиатры». Скучная, надо признать, работа, даже не скучная, а унылая. Хотя некоторые вопросы не так уж и скучны.

— Владимир, вы женаты?

— Д-да.

— Не посещают ли вас мысли о том, что ваша супруга может быть неверна вам?

— Бреда ревности у меня нет и не было.

— Простите меня, но вы, не будучи специалистом в нашей области, не вправе ставить диагнозы. Достаточно просто ответить на мой вопрос.

— Ревновал иногда.

— Какие-то основания к тому у вас были?

— Тогда казалось, что — да, но потом я понял, что был неправ.

— И испытывали угрызения совести?

— Да, испытывал!

— А не казалось ли вам, что вы заслуживаете более сильного наказания за какие-то ваши поступки, чем просто угрызения совести?

— Нет, не казалось.

— Думаете ли вы порой о том, чтобы как-то наказать себя?

Тепло, тепло. Вот и подобрались к главной теме. Значит, скоро конец.

— Нет, не думаю.

— Не приходилось ли вам испытывать некое ощущение несвободы, совершенно не связанное с внешними обстоятельствами?

— Приходилось и приходится. Вот хотя бы сейчас. С одной стороны, я вроде как свободен, а с другой — сижу здесь, из последних сил борюсь с усталостью и отвечаю на ваши вопросы. Может быть, уже пора заканчивать?

— Ну, потерпите, еще немножечко, прошу вас. — мымра смешно вытянула губы трубочкой, словно готовясь свистеть. — Мы уже почти закончили. Скажите, пожалуйста, а не ощущали ли вы когда-нибудь, что ваши мысли или чувства не принадлежат вам? Что они какие-то чужие, чьи-то, но не ваши?

— Нет, не приходилось.

— Вы, Владимир, так категоричны... сразу все отрицаете. А если подумать?

И ведь считали психиатрию наивные студенты чуть ли не самой интересной из всех медицинских специальностей! Как же, самая тончайшая из материй — человеческий разум, был подвластен... Да ни хрена он не был подвластен! Не был и не будет! Попытки узнать незнакомого человека при помощи тупых вопросов, кочующих из методички в методичку, из учебника в учебник, заведомо обречены на провал. Психологи, черт бы вас побрал! Знатоки душ человеческих! Как же — держи карман шире. Сидит перед тобой тупая самовлюбленная (и очень самодостаточная!) идиотка и думает только о том, чтобы скорее закончилось ее дежурство. Да она тебя не глядя запишет в законченные

беспросветные шизоиды, особенно с учетом событий, предшествовавших твоему появлению здесь. Опять же — посттравматическая энцефалопатия... Чудесный диагноз, к которому можно «привязать» все что угодно. Будешь ты, Вольдемар, не шизоидом, а энцефалопатом — какая тебе разница? Да никакой, как ни крути, разницы. Ярлык на всю оставшуюся жизнь...

— Доводилось ли вам чувствовать, как некая сила управляет вашими движениями?

— Доводилось, но это очень интимное. Можно, я не буду уточнять?

— Конечно, ведь мы просто беседуем...

Знаю я это «просто беседуем». Побеседуем, а потом... Впрочем, какая разница? Если ты в жопе, то размеры этой самой жопы уже не существенны. Главное — сам факт.

— А не чувствовали ли вы некоего необычного воздействия?

Нельзя работать так тупо. Неужели ты думаешь, что человек, которому задают один дурацкий вопрос за другим, способен на откровенность? Или тебе уже настолько все безразлично, что хочется просто оттарабанить положенное и уйти спать? Тогда зачем нам мучить друг друга? Напиши везде «нет», и все тут. Нет же, будет сидеть и долдонить... Кто сказал, что самая страшная птица — это дятел, потому что — упорно в одно и то же место? Не помню... Но сказано здорово. Метко.

— Владимир, вы не расслышали мой вопрос?

— Расслышал. Не чувствовал.

— Скажите, пожалуйста, Владимир, а почему вы избегаете называть меня по имени?

Потому что я не понял твоего имени. Ты пробурчала его скороговоркой, и я успел уловить только фамилию — Тертычная. Редкая фамилия.

— Меня зовут Мария Михайловна. Можно просто — Мария.

Разумеется, если я — Владимир, то ты — Мария. Просто Мария... Кажется, был такой сериал, мама его смотрела. Тогда еще была мама...

— Если вам важно, я буду называть вас по имени...
Мария.

— Спасибо, Владимир. Скажите, пожалуйста, а как вы себя чувствуете в смысле душевного состояния? Есть ли какая-то тревога или некая неопределенность?

— Неопределенность есть.

— Какая же?

— Думаю, в какую палату вы меня поместите. В казарму на двадцать коек или в двухместную с тихим соседом, который не храпит по ночам.

— У нас, к сожалению, нет двухместных палат. Только четырехместные.

— А если к вам директор департамента ляжет? Вы его тоже в четырехместную запихнете?

— Владимир, давайте не будем отвлекаться. А то мы и впрямь до утра не закончим. Кстати, а как вы видите себе ваше будущее?

— Ближайшее или отдаленное?

— И то, и то.

— В ближайшем вы отправите меня в четырехместную палату, а в отдаленном я помру.

— Вас это тяготит?

— Четырехместная палата? Конечно! Знаете ли, я всю жизнь находился по ту сторону баррикад, и вдруг очутиться по другую, да еще в четырехместной палате...

— Владимир, я имела в виду смерть...

— Нет, Мария, не тяготит. Особенно с учетом причины моей госпитализации. Четырехместная палата куда хуже.

— Увы, что есть, то есть. Чем богаты... Но если это вас очень сильно тревожит, то я могу поместить вас в изолятор на короткий срок. Для адаптации.

— Спасибо, не надо. Давайте уж в палату. В холодную воду, знаете ли, надо бросаться с разбегу.

— Интересные у вас сравнения. Чувствуется богатое ассоциативное мышление.